

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.91.63.002

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАРИТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ*

Тяна Балек

Университет города Нови-Сад

Аннотация: В статье предпринята попытка описать каритивное значение, носителями которого являются приставочные и бесприставочные глаголы в русском и сербском языках. На морфологическом уровне каритивными показателями являются приставки *без-/бес-* и *обез-/обес-*, а также *недо-*, которая, помимо недостачи, выражает и дополнительные значения. Уточняются морфосинтаксические свойства и прагматический потенциал рассматриваемых глаголов, благодаря чему можно идентифицировать и бесприставочные глаголы с рассматриваемым значением.

Ключевые слова: глаголы, каритивное значение, префиксы, морфосинтаксис, русский и сербский языки

Для цитирования: Балек Т. Морфосинтаксические характеристики каритивных глаголов в русском и сербском языках // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 2. С. 22–42. doi:10.37632/PI.2024.91.63.002

CARITIVE VERBS IN RUSSIAN AND SERBIAN: MORPHOSYNTAX AND PRAGMATICS**

* Некоторые замечания по исследуемой теме были изложены в качестве доклада на Первом Евразийском конгрессе лингвистов (Москва, 9–13.12.2024). Автор признателен анонимным рецензентам за их ценные замечания.

** Some observations regarding the analyzed topic were presented at the First Eurasian Congress of Linguists (Moscow, December 9–13, 2024). The author is grateful to the anonymous reviewers for their valuable comments.

Tijana Balek
University of Novi Sad

Abstract: The article makes an attempt to describe the caritive meaning, the carriers of which are prefixed and non-prefixed verbs in Russian and Serbian. At the morphological level, caritive indicators are the prefixes *bez-/bes-* and *obez-/obes-*, as well as *nedo-*, which, in addition to lack, also expresses additional meanings. The morphosyntactic properties and pragmatic potential of the verbs under consideration are clarified, thanks to which it is possible to identify non-prefixed verbs with the meaning under consideration.

Keywords: verbs, caritive meaning, prefixes, morphosyntax, Russian, Serbian

For citation: Balek T. Caritive verbs in Russian and Serbian: Morphosyntax and pragmatics. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 22–42. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.91.63.002

1. Вводные замечания

В настоящей статье рассматриваются лексемы с каритивным значением, а именно славянские глаголы с каритивными префиксами, которым не уделялось достаточно внимания в типологических исследованиях, посвященных каритивам¹. Понятие «каритив» в литературе трактуется двояко: с одной стороны, на каритив смотрят как на отрицание посессивного отношения между X-ом и Y-ом, т.е. «отрицание обладания по отношению к предметам, обозначаемым отдельными локальными частями высказывания, не влияющими непосредственно на истинность или ложность всего утверждения в целом» [Иванов 1995: 5, 14]. В презентации [Matushansky 2020] каритивное отношение считается негативным и паразитическим по отношению к обладанию; соотношение сфер действия экзистенциального оператора и отрицания, по мнению автора презентации, неясно. С другой стороны, каритивное значение можно считать самостоятельным, так как оно ссылается на отсутствующего или невовлеченного в ситуацию участника — абсенса [Oskolskaya 2020, 2023; Panova 2021].

¹ Чаще других частей речи в типологических исследованиях, посвященных каритивам, обсуждались прилагательные (признаковые слова) и существительные — в том случае, когда каритивная морфема грамматикализуется как падежный аффикс, что характерно, например, для уральских языков.

В статье рассматриваются глаголы с каритивными показателями, выраженными морфологически, а также прагматический уровень представления каритивного значения на материале двух славянских языков — русского и сербского. Хотя на морфемном уровне каритивное значение передается префиксами славянского происхождения *без-/бес-*, с чем согласны представители обоих подходов, дистрибуция этих префиксов в анализируемых языках различна (см. ниже), что, наряду с учетом употреблений других рассматриваемых в статье префиксов может быть существенно для изучения данной проблематики².

2. О каритивном значении

Согласно С.А. Оскольской, Н.М. Заике, С.Б. Клименко и М.Л. Федотову, «каритивное выражение (показатель) — это средство выражения каритивного элемента при единице, выражающей абсенс, но не включающее ее» [Оскольская и др. 2020: 22]. В статье [Stolz et al. 2007: 66; см. также Stassen 2000] каритив определяется как «грам, используемый для кодирования отношения между двумя (или тремя) партиципантами в ситуации отсутствия (= отрицаемое сопровождение). Один участник — отсутствующий — не может присутствовать при другом участнике — спутнике или пользователе — в данной ситуации» [Оскольская и др. 2020: 11]. Славянские языки однородно отображают более высокую сложность абессива (даже если он может быть ограничен одним параметром) [Stolz et al. 2007: 95].

По мнению Вяч.Вс. Иванова, который выделил совокупность языковых средств с общей семантикой ‘отсутствие принадлежности, необладание’ в качестве самостоятельной категории [Боханова 2014а], грамматическая

² Семантическая модель каритивности (от лат. *caritas* ‘недостаток, скудность’), по мнению С.М. Толстой, представлена рядом слов, т.е. гнезд с общим признаком семантики недостачи, отсутствия, нехватки чего-либо [Толстая 2008: 50–51]. Данное значение С.М. Толстая описывает и рассматривает на примере прилагательных *сухой, пустой и пресный* [Толстая 2008: 50–172], что А.И. Коваль называет каритивностью более узкого плана, т.е. лексико-семантической категорией [Коваль 2009].

Существует еще одно, не совсем актуальное определение каритива, характерное для уральских языков: «периферийный падеж, выражающий отсутствие в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания» [Жеребило 2010: 141].

категория лишительности³, соотносимая с посессивностью и ей противоположная, может быть одной из черт типологического строя евразийского языкового союза [Иванов 1993: 81]. Вяч.Вс. Иванов указывает, что славянские языки отличаются наличием нескольких архаических форм, эволюционировавших от предлогов в привативные (каритивные) префиксы, поэтому, учитывая все стадии развития славянских языков, в сегодняшней перспективе, помимо префикса *без-* (и его алломорфов), в качестве морфемных каритивных показателей можно рассматривать также префиксы *у-*, *вы-* (в сербском *из-*), *от-*, *о-* [Боханова 2014b; Иванов 1993, 1995].

Примечательно, что в исследованиях, посвященных каритивной проблематике, редко рассматривались глаголы, за исключением диссертации А.С. Бохановой⁴ [2014b]. Возможная причина состоит в невысокой частотности собственно каритивных употреблений данных морфем в качестве глагольных префиксов, т.е. что они более продуктивны в словообразовании прилагательных и существительных, чем глаголов. Другой причиной является большая семантическая сложность славянских приставочных глаголов, значение которых не всегда выводится по композициональным правилам из значений префикса и значения бесприставочной основы. Так, рус. *бесчинствовать* стандартно интерпретируется как ‘творить бесчинства’, ‘нарушать закон’, а не как ‘лишать общество законности’.

Следует отметить, что не все глаголы прибавлением одной из перечисленных выше приставок способны выразить каритивное (лишительное) значение. Его реализация зависит от нескольких факторов: наряду с семантикой глагольной основы надо учесть и контекст. На уровне прагматики, каритивная интерпретация связана с реконструкцией нормы, при которой наличие у X-а Y-а признается нормой, а отсутствие Y-а отклонением от нее. Такая интерпретация может поддерживаться или затрудняться

³ Рассматривая каритивность как функционально-семантическое поле, А.С. Боханова указывает на характеристики, отличающие каритивность, лишительность и необладание. Категориальным признаком лишительности является каузирование, каритивности — частное отрицание, а необладания — отрицание наличия [Боханова 2014a]. Процессуальный признак лишительности — событие, в то время как каритивность и необладание имеют одинаковый процессуальный признак — факт [Боханова 2014a].

⁴ А.С. Боханова рассматривала глаголы *лишать*, *отнять*, *отобрать*, *изъять*, *забрать/забирать*, *выхватывать/выхватить*, *вырывать/вырвать*, *терять/потерять* в экономическом дискурсе, а также конструкции с имплицитно выраженной каритивной семантикой, включая устойчивые выражения, см. [Боханова 2014b]. О грамматикализации партиципантов и лексической каритивности, выраженной глаголами в русском языке, см. [Балек 2021a]. На материале сербского языка категория каритивности не являлась предметом исследования, за вычетом работы [Балек 2021b], где описываются структурные предложно-падежные конструкции с предлогом *без* в зависимой клаузе.

словообразовательной структурой глагола⁵. Так, в примере (1) каритивное значение реализуется с помощью типичного каритивного маркера *бес-*, однако, с оговорками, в (2) также можно говорить о каритивном контексте, несмотря на то, что рассматриваемое значение не выражено типичным каритивным показателем. В примере (3) реализация каритивной семантики сомнительна (возможна как минимум двоякая интерпретация), а в (4), несмотря на ту же предложно-падежную конструкцию, каритивная интерпретация невозможна. При этом в (2) речь идет об идиоме, а в (3) и (4) — о свободных сочетаниях (о разнице в коммуникативном статусе между свободными сочетаниями и идиомами, см. [Янко 2022]). Ср.:

- (1) а. рус. *По ним как будто ничего не видно, и это создает иллюзию, что их ничто не беспокоит* [НКРЯ];
 б. срб. *По њима као да се ништа не види, и то ствара илузију да их ништа не **обеспокојава*** → ‘ничто не лишает их покоя’.
- (2) рус. ***вывести** из терпения*, срб. ***избацити** из такта* → ‘лишить кого-то терпения, покоя’.
- (3) рус. ***вынести** мусор из комнаты/дома*, срб. ***изнети** смеће из собе/куће* → не только ‘лишить комнату мусора’ (квазикаритивная интерпретация), но и ‘очистить комнату от мусора и тем самым улучшить ее свойства’⁶ (каритивная интерпретация невозможна).
- (4) рус. ***вывести** ребенка (из дома) погулять*, срб. ***извести** дете (из куће) да прошета* → *‘лишить дом присутствия ребенка’; *‘лишить ребенка дома’.

В основу семантического критерия каритивности Вяч.Вс. Иванова вошла теория Аристотеля [Иванов 1995: 14], однако А.С. Боханова на основании доступных данных выделяет 4 каритивных семы: (1) отсутствие у предмета свойства, которое является естественным достоянием вещи; (2) отнятие (лишение) чего-либо; (3) малая степень качества либо плохое качество предмета; актуализация на шкале привативной оппозиции оценочной ам-

⁵ Мы признаем, что основным значением русской приставки *вы-* является выход за пределы закрытого пространства. О непространственных употреблениях приставки *вы-* см. [Кронгауз 1998: 21–22].

⁶ Анонимный рецензент предлагает учесть контекст, при котором вынос любых предметов, включая мусор, оценивается положительно, а нормальным состоянием X-а признается их отсутствие. В этом случае каритивная интерпретация невозможна.

бивалентности ‘хорошее — плохое’ второго элемента и (4) полное отсутствие какого-либо качества предмета⁷ [Боханова 2013: 171].

Итак, наше исследование имеет две части: в первой (раздел 3) представлены каритивные морфологические показатели и грамматические характеристики глаголов, содержащих каритивные приставки. Помимо приставки *без-/бес-*, чья каритивная семантика бесспорна⁸, обсуждаются глаголы со сложными приставками *обез-/обес-* и *недо-*. Мы специально обсуждаем аспектуальную семантику, так как приставки меняют не только лексическое значение глаголов, но и их грамматические характеристики, в первую очередь вид⁹. Поэтому мы сочли важным осветить вопросы, связанные с видовыми парами и аспектуальной семантикой глаголов, содержащих каритивные приставки. Во второй части (раздел 4) внимание уделяется глаголам, которые способны передать каритивное значение, но в большинстве приведенных случаях не самостоятельно, а с учетом либо семантики их дополнений, либо предложно-падежных конструкций, или же выражения в целом.

3. Морфологический уровень

В этом разделе рассмотрим каритивное значение, которое эксплицируется тремя славянскими приставками: *без-/бес-*, *обез-/обес-* и *недо-*, причем основа глагола семантически определяет то, чего не хватает либо полностью, либо частично. Первая из них является прототипическим каритивным показателем на аффиксальном уровне, о чем в литературе неоднократно писали. Сложная приставка *обез-/обес-* сохраняет каритивную семантику одного из своих компонентов и толкуется лексикографами как ‘служит для образования глаголов со значением: лишить чего-л., освободить от чего-л. или лишиться чего-л., освободиться от чего-л.’ [МАС]. Вследствие этого мы включаем ее в анализ.

Сложная приставка *недо-* в качестве каритивного показателя в литературе не упоминалась. Однако, имея в виду вышеупомянутую каритивную сему, касающуюся малой степени качества, мы считаем возможность включить ее в список каритивных морфем, ср. толкование ‘сложная приставка, указывающая на неполноту, недостаточность действия или качества’ [МАС].

⁷ Все перечисленные семы можно выразить с помощью приставок, о чем будет идти речь в следующем разделе.

⁸ Как типологически, так и функционально-семантически направленные исследования классифицируют данную приставку как носитель каритивного значения (см. выше).

⁹ При условии, что речь идет об отглагольном производном.

В морфемном фонде сербского языка наличествуют те же приставки и их алломорфы, выражающие каритивное значение: *без-/бес-*, *обез-/обес-* и *недо-*.

3.1. Каритивные показатели *без-/бес-* и *обез-/обес-*

В этом разделе рассмотрим две каритивных приставки, которые, несмотря на общеславянское происхождение, в глагольном словообразовании непродуктивны (особенно *без-/бес-*). Общей характеристикой дериватов является их деноминальное или деадъективное происхождение, а также каритивная сема абсолютного отсутствия признака, заложенного в семантику основного глагола: из четырех каритивных сем, выделенных А.С. Бохановой (см. выше), с помощью данных приставок реализуются 1-я и 4-я.

По данным словарей [МАС и РМС, т. 1, т. 3], в русском языке обнаружено 14 глаголов с каритивным значением, содержащих показатель *без-/бес-*, а в сербском всего 3. В обоих языках речь идет об отыменных глаголах, где именная часть эксплицирует элемент, абсолютное отсутствие которого маркирует каритивный показатель *без-*. Другими словами, морфемная маркированность каритивности не требует лексикализации абсенса (недостающего элемента), так как он может вычленяться из самой основы глагола. Ср.: рус. *бездействовать*, *бездельничать*, *беззаконничать*, *безмолвствовать*, *бессиловать*, *бесстыдничать*, *бесчинствовать*¹⁰, *бессиловать* и др.; сrb. *безумити*, *беспосличарити* (*беспосличити*) и *бестрагати*¹¹.

¹⁰ Решение включить данный глагол в число каритивов требует дополнительного комментария. По внешним показателям (присутствующей приставке) данное слово кажется каритивом. Однако применимая классификация может вызвать сомнение. Словари определяют значение глагола *бесчинствовать* так: 'совершать бесчинства, вести себя безобразно' [МАС]. Мотивирующего глагола **чинствовать* в словарном материале нет, в [НКРЯ] он тоже не обнаружен. *Бесчинствовать* является отыменным производным, а мотивирующее слово в данном случае — *бесчинство* 'нарушение порядка, общепринятых норм; бесчинный поступок' [МАС].

¹¹ Семантическими эквивалентами являются лишь *беспосличарити* / *бездействовать*, *бездельничать* и *безумити* / *безумствовать*. Значение остальных русских глаголов на сербский язык чаще всего переносится аналитическими предикатами, содержащими (1) глаголы со значением действия или поведения (*вршити*, *спроводити* 'совершать', *понашати се* 'вести себя'), а в некоторых контекстах экзистенциальный глагол *быть* в значении 'вести себя', и (2) отглагольные существительные либо наречия, которые конкретизируют значение выражения, например: *беззаконничать* 'вршити, спроводити безакоње', *бесстыдничать* 'срамно се понашати'. Однако иногда каритивное значение передается с помощью отрицательной частицы *не*, ср. *безмолвствовать* 'не проговарити; ћутати'.

Семантическую модель эксцерпированных единиц можно представить следующим образом: 'X ведет себя способом *n*' или 'X совершает поступки *n*', где *X*-ом обозначен человек, либо группа людей, а *n* характеризует поступок, который лишен определенного (нормативно ожидаемого и/или желаемого) свойства, вследствие чего он оценивается отрицательно, а лишение грамматически кодировано и морфологически прозрачно¹².

Поскольку речь идет о неопредельных глаголах, квалифицирующих человеческое поведение, поступки или умения, большинство из них принадлежит к классу моноаспективов¹³ НСВ [Балек 2023: 96]. Несмотря на их деривационный потенциал, глаголы обладания (например, рус. *иметься* или *обладать*, срб. *имати (се)* или *поседовати*), профессиональной либо общей деятельности (рус. *учительствовать*, *править*, *вдовствовать* и др.; срб. *учительевати*, *владати (управљати)*, *живети као удовица*), глаголы, обозначающие социальное положение и т.п., являются несоотносительными по виду [Петрухина 2009: 46]. В рамках рассматриваемых глаголов с каритивными показателями находятся и те, которые можно соотнести с семантическими классами несоотносительных по виду глаголов, выделенных в «Русской грамматике», например, глаголы физического или психологического состояния (*бессилить*, *беспокоить*, *безумствовать*) и т.д. [Шведова 1980: 592–595].

С другой стороны, ситуация в примере (7) не соответствует описанной выше модели. Представленный в архаических и литературных текстах каузативный глагол *бессилить* указывает на изменение состояния экспериенцера, которое нацелено на завершение (по данным [МАС], есть видовая пара *обессилить*, а также вторичный имперфектив *обессиливать*).

¹² Существуют и другие глаголы поведения, которые при функционально-семантическом подходе могли бы рассматриваться в качестве каритивов, учитывая тот факт, что ими выражается какой-то недостаток, например, *хулиганить*, *буянить*, *паясничать* и др. Однако неморфологизированный способ каритивности у глаголов поведения на этот раз не рассматриваем.

¹³ Термин «моноаспективы» используем как синоним термину «одновидовые глаголы», вслед за Е.В. Горбовой [2019]. Соответственно, глаголы *perfectiva tantum* называем моноаспективами СВ, а *imperfectiva tantum* — моноаспективами НСВ. Причиной такого решения является и терминологическая неоднозначность в сербистике, потому что термин 'једновидски глаголи' может относиться и ко всем глаголам, которые не являются двувидовыми, т.е. обладают грамматическим значением либо несовершенного, либо совершенного вида, а не только к несоотносительным по виду глаголам.

- (5) рус. *Кое-кого в толпе он узнавал — из тех, кто дома у него безмолвствовал в комнате с ходовыми книгами...* [НКРЯ]
- (6) рус. *Лет через пять женился на какой-то прохиндейке, стал пить, безумствовать, мотаться где ни попадя...* [НКРЯ]
- (7) рус. *Преодолевая слабость, Нюра напрягла разум и поняла, что ее знобит и зуб не попадает на зуб от дрожи, которая долит и бессилит плоть.* [В. Личутин, 1974; НКРЯ]

В сербском электронном корпусе и в интернете обнаруживаются лишь единичные примеры, которые подходят к указанной выше модели:

- (8) срб. [...] *није важно ко је уредно плаћао порез држави, а ко је беспосличио у картонској кућици...* [SRWAC]
 ‘не важно кто регулярно платил налоги государству, а кто бездельничал в картонном домике.’
- (9) срб. *Дошли сте са улице као Милошевићеве шпијуни и полтрони, и све преварили и уништили, опљачкали и бестрагали...* [SRWAC]
 ‘Вы пришли с улицы как шпионы и трусы Милошевича, всех обманули и уничтожили, ограбили и разорили без следа...’

Продуктивность префикса *обез-/обес-* в каритивном употреблении гораздо выше, чем у рассмотренного прототипического показателя *без-/бес-*. В русском языке обнаружено 120 глаголов с данным каритивным маркером, а в сербском — 74¹⁴. Как уже сказано, префикс *обез-/обес-* тоже способствует реализации абсолютной каритивности, но глаголы проявляют иные морфологические свойства. В первую очередь речь идет об их видовой принадлежности: в отличие от глаголов на *без-*, в списке глаголов с каритивным показателем *обез-/обес-* на русском материале находятся моноаспективы СВ (например, *обезголотеть, обездвигнуть, обезденежить, обезденежить, обеззубеть, обезлюдеть, обезматочеть, обеспамятеть, обесплодеть, обеспертить(ся)* и др.), а также видовые тройки (*бесчестить – обесчестить – обещещивать, бесславить – обесславить – обесславливать, бессилить – обессилить – обессиливать*).

¹⁴ Из-за различий в лексикографической традиции в русских словарях постфиксальные формы на *-ся* даются отдельно от формы глагола без постфикса, в то время как в сербских словарях формы возвратных глаголов с морфемой *се* находятся в рамках одной словарной статьи с глаголами без *се*.

Сербский материал содержит моноаспективы СВ (*обезбратити, обезбрижити, обезвольити, обездружити (се), обезматичити се, обезножити, обезубити, обезкожити* и др.) и, в нескольких случаях, видовые пары (*обесценити – обесцењивати, беспокојити (се) – беспокојавати (се), обезнажити – обезнаживати, обесветити – обесвећавати* и т.д.)¹⁵.

Анализируемые глаголы констатируют изменение положения субъекта¹⁶, т.е. ситуацию, в которой *X* не обладает определенной вещью, признаком и т.п., а то, чем он в момент речи не обладает, кодировано в значении основного (деноминального либо деадъективного) глагола. Поэтому их семантическую модель можно представить следующим способом:

(i) У *X*-а наступило состояние, которое вызвано отсутствием элемента, находящегося в основе глагола с каритивным показателем.

Отсылка на наступление нового состояния заметна в примерах (12) и (13), где описывается наступающее физическое состояние слабости (*обессилевать/обессилеть* ← ‘оставаться/остаться без сил, становиться слабым’). В (10) и (11) благодаря предикатному отрицанию значение наступления нового состояния аннулируется, однако небольшой трансформацией нижеприведенных примеров эта семантика заметна, ср.: *Проигрши обескуражил нашу команду* ‘→ до того момента наша команда была полна уверенности в себе, а сейчас сомневается’.

Несмотря на то, что каритивы не являются стилистически маркированными, их частотность в активном употреблении небольшая. Например, в [SRWAC] обнаружено всего 2 примера глагола *обезвольити* ‘рус. *обезволеть*’ (**безвольити* не существует), хотя прилагательное *безвольан* встречается часто.

(10) а. срб. *То није поколебало наше играче, није их обезвольило. Они су довољно мотивисани истрчали на терен...* [SRWAC]

б. рус. *Это не поколебало наших игроков, не обескуражило их. Они были достаточно мотивированы, чтобы выбежать на поле.*

¹⁵ Хотя некоторые вторичные имперфективы не входят в состав словарей сербского языка, существование и частотность их употребления подтвердит каждый носитель (например, *обесмислити – обесмишљавати* ‘рус. *лишить / лишать смысла*’).

¹⁶ В широком смысле слова: абстрактного, конкретного, живого и неживого.

(11) а. срб. *Превалили су стотине километара и овога пута, сведочили су несрећном поразу, али их то није разочарало, нити обезвољило.* [SRWAC]

в. рус. *Они проехали сотни километров и на этот раз стали свидетелями досадного поражения, но это их не разочаровало и не **обескуражило**.*

На наш взгляд, это может объясниться тем, что значение каритивов на *обез-/обес-* в живом употреблении перефразируется с помощью аналитических предикатов — либо как предложно-падежная конструкция с предлогом *без* и существительным в родительном падеже (например, *обезголо-сеть* → *остаться без голоса; лишиться голоса* ‘срб. *остати без гласа*’); либо употреблением глагола *стать* и прилагательного, имеющего ту же основу, что и глагол-каритив, например, рус. *стать безголосым*, срб. *постати безгласан*, нем, рус. *стать безвольным*, срб. *постати безвољан* ← *обезволеть*).

Декомпозиция значения делает связь каритивов на *обез(с)-* и инхоативов более заметной, поскольку изменение одного состояния другим, т.е. переход в новое состояние, предполагает *начало* какого-то состояния (см. примеры (12) и (13), и объяснение выше). Глаголом *обессмертить* в (14), имеющим, в отличие от большинства экцерпированных каритивов, положительное значение, также передается семантика изменения состояния.

(12) а. рус. [...] *толпа вся вздрагивает крупно, общим телом и тут же так же разом **обессилевает**, как будто душу вынули из каждого, из всех.* [НКРЯ]

в. срб. *читава гомила задрхти као велико, збирно тело и онда исто тако изненада **сасвим ослаби**, као да је душа извучена из сваког, из свих.*

(13) а. рус. *Дорог между областями не было. Сельские областные окраины **обезлюдели**.* [НКРЯ]

в. срб. *Није било путева између региона. Сеоска регионална подручја су **остала без људи** [остала пуста].*

(14) а. рус. *Угол улиц Соль и Абревуар занимает «Розовый Дом», который **обессмертил** Морис Утрилло.* [НКРЯ]

в. срб. *На углу улица Сол и Абревуар налази се Ружичасти дом који је овековечио Морис Утрило.*

3.2. Каритивный показатель *недо-*

Данный сложный префикс указывает не на абсолютное отсутствие, а на малую степень качества либо плохое качество предмета [Боханова 2013], однако, поскольку все идентифицированные нами каритивы представляют собой отглагольные дериваты, их семантическую модель можно сформулировать как ‘действие/процесс, недоведенное до конца, а до определенной точки на пути полного завершения, результата’.

Итак, значение глаголов реконструируется без труда, а в большинстве случаев на материале русского языка, где обнаружено около 100 глаголов с каритивным показателем *недо-*, речь идет о видовых парах, напр.: *недоучесть* — *недоучитывать*, *недоучивать(ся)* — *недоучивать(ся)*, *недотянуть* — *недотягивать*, *недосыпать*² — *недоспать*, *недоработать* — *недорабатывать*. Моноаспективами являются глаголы, чья эмоциональная (*недолюбливать*, *недоумевать*) или семантика восприятия подвергаются градуированию (*недослышать*¹, *недослышать*², *недосмотреть*). Значение градуирования на сербский передается наречиями, так как соответствующего глагола нет, см.:

(15) а. рус. *Ей было стыдно сознаться даже себе самой, что она **недолюбливает** своего внука.* [НКРЯ]

в. срб. *Било ју је срамота да призна самој себи да **не воли довољно** свог унука.*

(16) а. рус. *Для денег воруют немножко, когда бригадир **недосмотрит**.* [НКРЯ]

в. срб. *За новац крадемо помало када бригадир **не обраћа довољно пажњу**.*

Материал на сербском языке содержит только 2 глагола — *недостајати* ‘быть недоступным (о том, что нужно)’, ‘быть нужным (и недоступным, отсутствующим и т.п.)’ и *недостати*¹⁷ ‘проявиться как дефицит, как отри-

¹⁷ В русском языке есть аналог *недостать*, однако в сербском словаре нет примечания о происхождении этого слова. Предположить, что речь идет о русизме, вполне можно.

цательная разница'. По данным словарей можно сделать вывод, что оба глагола — моноаспективы, первый НСВ, а второй СВ. Однако анализ примеров из электронного корпуса показал, что говорящие часто употребляют их в качестве видовой пары либо, из-за каких-то причин, употребляют один вместо другого.

Недостајати употребляется чаще, и в значении обоих глаголов. Ср. в (17a) ошибочное употребление глагола в аналитическом сказуемом с начинательным значением — *почео недостати* вместо *почео недостајати*. С начинательным глаголом СВ *почети*, ср. рус. *начать*, а также и с глаголом НСВ *почињати*, ср. рус. *начинать*, в качестве семантического ядра выражения можно употребить глагол несовершенного, а не совершенного вида (ср. в (17b) русский переводный эквивалент с глаголом НСВ *скучать*). Словоформа *недостале* в (18a) также не соответствует контексту, поскольку речь идет о прошедшем времени (причастии в форме ж.р.) глагола *недостати*, а объект, к которому он относится — трамвай — является существительным мужского рода. В (18a) следовало бы употребить 3 лицо ед.ч. глагола *недостајати* в настоящем времени — *недостаје*.

(17) а. срб. *Вальда си ми поново **почео недостати**. Вальда сам чула неку нашу стару песму, вальда су се те успомене вратиле уназад...* [SRWAC]

б. рус. *Кажется, я снова **начала скучать** по тебе. Кажется, я услышала одну из наших старых песен, думаю, эти воспоминания вернулись...*

(18) а. срб. *Врло су лепе фотографије, мени **недостале** транвај који је ишао одмах до двореда.* [sic; SRWAC]

б. рус. *Фотографиш очень хорошие, я **скучаю** по трамваю, который ходил прямо к линии деревьев.*

4. Прагматический уровень

Рассмотрим также некоторые употребления глаголов, где каритивное значение не морфологизировано и зависит от контекстной интерпретации. Оно может быть либо основным для конкретного глагола, либо переносным, однако все рассматриваемые глаголы предполагают наличие конверсивного отношения между «прежним» и «нынешним» обладателем, и создают особую перспективу действия [Балек 2018: 343].

Существует множество глаголов, которыми может быть выражено отчуждение/лишение, ср.: *брать* — *взять*¹⁸, *красть* — *украсть*, *овладевать* — *овладеть*, *разоружать* — *разоружить*, *отнимать* — *отнять* и др., но прототипическими каритивами мы считаем *лишать(ся)* — *лишить(ся)*, *отчуждать(ся)* — *отчуждить¹(ся)* и *отсутствовать*, т.е. в сербском *лишавати (се)* — *лишити (се)*, *отуђивати (се)* — *отуђити (се)* и *одсутвовати*. Помимо перечисленных, в данную группу можно включить рус. *отобрать* — *отбирать*, срб. *одабирати* — *одабрати*, рус. *отнимать* — *отнять*, срб. *отимати* — *отети*, рус. *удалять(ся)* — *удалить(ся)*, срб. *удаљавати (се)* — *удаљити (се)*, рус. *терять(ся)* — *потерять(ся)/утерять(ся)*, срб. *губити (се)* — *изгубити (се)*, рус. *утрачивать(ся)* — *утратить(ся)*, срб. *губити (се)* — *изгубити (се)* и рус. *не хватать* — *не хватить*, срб. *фалити* и многие другие.

Глаголы рус. *лишать* — *лишить*, срб. *лишавати* — *лишити* выражают отсутствие посессивного отношения. Из-за своих валентностных характеристик рассматриваемые глаголы требуют, чтобы абсенс был выражен родительным падежом:

- (19) а. рус. *Режиссер А.Н. Лагунов специально лишил постановку быта, чтобы сосредоточить внимание на внутренних переживаниях героя.* [НКРЯ]
- б. срб. *Режисер А.Н. Лагунов је специјално лишио поставку свакодневних ствари из живота да би фокусирао пажњу на унутрашња преживљавања јунака.*
- (20) а. срб. *То донекле решава проблем са стресом, али продавца лишава информација које су од виталног значаја у ова тешка времена економске кризе...* [SRWAC]
- б. рус. *Это в какой-то степени решает проблему стресса, но лишает продавца информации, которая жизненно необходима в эти непростые времена экономического кризиса.*

¹⁸ Благодаря конверсивному отношению между приобретением и отчуждением, глаголы со значением приобретения можно считать коррелятами каритивов [см. ТСПГ 1999: 568, 573]. О конверсии между единицами, принадлежащими к тематическим полям «приобретение» и «отчуждение», свидетельствует и толкование, представленное в статье [Балек 2018: 341–347], где утверждается, что в рамках приобретения можно выделить два семантических субполя в зависимости от оценки приобретения. Если речь идет об отрицательной оценке приобретения, реализуется значение отчуждения [Балек 2018: 342].

Каритивный фокус может быть сосредоточен и на чем-то другом, ср. метафорическое движение в конструкциях с глаголами рус. *отчуждать(ся)* — *отчуждить*¹(ся), срб. *отуђивати (се)* — *отуђити (се)*. С помощью метафорического движения абсенса удаляется от ориентира¹⁹, некоторой его части или свойства, а данная транспозиция охватывает и эмоциональную, и психическую сферу. Ср.: *Так они прожили с полгода, все больше друг от друга отчуждаясь; Или, наоборот, замечаешь, как он, записывая что-то в тетрадь, вдруг отчуждается, отстраняется ото всех, давая понять, что это только его дело* [НКРЯ].

Если речь идет об эмоциональной сфере, более подходящим эквивалентом-каритивом в сербском языке является именно глагол, которым выражается движение — *удаљавати се* (21b), чем *отуђивати се*. С другой стороны, если речь идет об отчуждении конкретного объекта, то эквивалентом является *отуђити*, несмотря на ироническое употребление (22b).

(21) а. рус. *Анна Андреевна все более и более отчуждалась от него.* [НКРЯ]

б. срб. *Ана Андрејевна се све више и више удаљавала од њега.*

(22) а. рус. [...] *21 апреля 1988 года [...] введя Алексея Ивановича мелькающими махинациями в заблуждение, я отчуждил у него [...] 3 рубля советских финансов одной купюрой...* [НКРЯ]

б. срб. *21. априла 1988. године, обманувши Алексеја Ивановича својим ситним махинацијама, отуђио сам му 3 рубље совјетских финансија у једној новчаници.*

Русский глагол *отсутствовать*, как и *одсуствовати* в сербском, не имеет видовой пары СВ, так как ситуация, которая ими выражается, не предполагает законченности. Отсутствие охватывает пространственную, временную (иногда их нельзя различать), экзистенциальную, а также сферу посессии, и является постоянным квалификатором этой деятельности:

(23) а. рус. *В водах на входе данный элемент практически отсутствовал.* [НКРЯ]

б. срб. *Овог елемента практично није било у улазним водама.*

¹⁹ Об отношении семантических ролей абсенса и ориентира и грамматикализации партиципантов в русском языке, включая валентностную структуру здесь представленных глаголов, см. [Балек 2021a]).

(24) а. рус. *Соответственно, там отсутствует возможность оказания услуг денежного перевода высокотехнологичными компаниями...* [НКРЯ]

б. срб. *Сходно томе, не постоји могућност пружања услуга трансфера новца од стране високотехнолошких компанија...*

(25) а. рус. *Но сама идея «грубой оценки» отсутствует в нашем курсе школьной математики.* [НКРЯ]

б. срб. *Али сама идеја „грубог оцењивања“ не постоји у нашем програму школске математике.*

При глаголах *отнимать(ся)* — *отнять(ся)*, срб. *одузимати (се)* — *одузети (се)*; *одсећи се* в качестве абсентов часто появляются части тела, которые из-за болезни или другой причины (например, из-за страха, шока и т.п.) нельзя употреблять нормальным способом. В таких случаях каритивность является метафорической, поскольку часть тела физически на месте, но с временно или постоянно модифицированной функцией (например, рус. *У меня отнялся язык и я не смогла ничего сказать*, срб. *‘Одсекао ми се језик и нисам успела ништа да изустим’*; ср. также пример (26)).

Общее отсутствие или аннулирование посессивного отношения, которое обозначают глаголы рус. *утрачивать* и *утратить*, срб. *губити* — *изгубити* специфицируется благодаря дополнениям, с помощью которых грамматикализуется абсент. При транспозиции каритивной семантики в эмоциональную (отсутствие трезвости) глаголы рус. *терять(ся)*, *потерять(ся)* и *утерять(ся)*, срб. *губити се* — *изгубити се* не являются видовыми коррелятами, хотя в большинстве значений они функционируют таким образом (пример 27).

В одном из своих значений глаголы *не хватать* — *не хватить* также могут функционировать в качестве каритивов. Их сербский аналог *фалити* (иногда и *недостајати*) является моноаспективом НСВ (пример 28).

(26) а. рус. *Но и в тяжелейшем состоянии, когда отнялась рука, пришлось учиться писать заново...* [НКРЯ]

б. срб. *Али чак и у најтежем стању, када му је рука била одузета, морао је да поново учи да пише...*

(27) а. рус. Однако, согласно данным исследований, проведённых на Западе, подавляющее большинство мужчин **теряются** [потерялись; *утерялись — Т.Б.] при виде женщины в ярком наряде. [НКРЯ; Балек 2021а: 89]

б. срб. велика већина мушкараца **се губи** (‘изгубила се) када види жену у сјајној одећи.

(28) а. срб. Само им још Бане **фали** на овој фотографији. [SRWAC]

б. рус. На этой фотографии им **не хватает** только Бане.

Информационная структура и перспектива высказывания могут благоприятствовать реализации каритивности, но это заслуживает более подробного анализа. Здесь только отметим, что, учитывая данный факт, в качестве каритивов можно рассматривать и глаголы со значением получения, например, рус. *выигрывать* — *выиграть*, *брать* — *взять*, *вернуть*, *усваивать* — *усвоить* и проч., а также разные другие лексемы, например, прилагательные рус. *новый* и *свежий* [Балек 2021а: 89–90]. Такое утверждение влечет за собой другой вопрос: поскольку каритивность является диффузной категорией, что именно является ее ядром, и что именно отличает каритивность от лексической антонимии и конверсии.

5. Заключительные замечания

В данной статье была предпринята попытка рассмотреть каритивное значение, реализующееся на материале глагольной лексики русского и сербского языков. В обоих языках каритивное значение в глагольной лексике слабо грамматикализовано, однако в узусе регулярно возникают контексты, способствующие каритивной интерпретации. Фактором, благоприятствующей ей, является оценка ситуаций лишения как отступления от нормы, в том числе — от нормы поведения. В обоих языках рассматриваемое значение на морфологическом уровне реализуется с помощью каритивной приставки *без-/бес-*, которая не является продуктивной. Многие из эксцерпированных деноминальных или деадъективных глаголов с данной приставкой в узусе неупотребительны. Это позволяет нам сделать вывод, что, несмотря на статус префикса *без-/бес-* (исследователи считают его прототипическим каритивным показателем), а также общего значения глаголов ‘X ведет себя способом *n*’ или ‘X совершает поступки *n*’, на самом деле его функционал ограничен.

В качестве каритивного показателя рассмотрены еще два сложных префикса: *обез-/обес-* и *недо-*. Первый сохраняет каритивную семантику одной своей части, но у дериватов обнаруживается дополнительная характеристика — наступление нового состояния, которое вызвано отсутствием элемента, находящегося в основе глагола с каритивным показателем *обез-/обес-*. Именно эта характеристика сближает каритивные глаголы с начальными.

Несмотря на то, что в литературе о каритивах не упоминается сложная приставка *недо-*, на основании лексикографических данных можно сделать вывод, что у нее тоже обнаруживается каритивное значение, но с дополнительным признаком градуальности, так что глаголы имеют значение ‘действие/процесс, не доведенное до конца, а до определенной точки на пути полного завершения, результата’. Глаголы с данной приставкой продуктивны в русском языке, а сербском почти не используются в глагольном словообразовании.

Возможность представления каритивного значения в контексте рассмотрена и на примере глаголов, у которых оно может быть либо основным, либо переносным. На основании проведенного анализа выяснилось, что неключенность в ситуацию проявляется как отсутствие посессивного отношения (рус. *лишать* – *лишить*, серб. *лишавати* – *лишити*), метафорическое движение (рус. *отчуждать(ся)* – *отчуждить(ся)*, серб. *отуђивати (се)* – *отуђити (се)*). Однако отсутствие может охватывать и другие сферы — странственную, временную и т.п. (рус. *отсутствовать*, серб. *одсуствовати*).

Поскольку существует конверсивное отношение между обладанием и каритивностью, то и глаголы приобретения способны выразить необладание, невовлеченность в ситуацию и т.п., поэтому определение факторов, способствующих и ограничивающих данное явление, а также формирование инвентаря лексических единиц, к которым они применимы, могут быть задачей для будущих исследований.

Список источников / References

- Балек 2018 — Балек Т. Аспектуальные особенности глаголов с общим значением «приобрести» в русском языке и их сербские эквиваленты // *La relation temps/aspect: approaches typologique et contrastive.* / Milliaressi T. (ed.). Lille: Université Charles-de-Gaulle – Lille 3, 2018. С. 341–347. [Balek T. Aspektual'nye osobennosti glagolov s obshchim znacheniem «priobresti» v russkom yazyke i ikh serbskie ekvivalenty // *La relation temps/aspect: approaches typologique et contrastive.* / Milliaressi T. (ed.). Lille: Université Charles-de-Gaulle – Lille 3, 2018. Pp. 341–347.]

- Балек 2021a — Балек Т. О лексичкој каритивности репрезентованој глаголима и граматикализацији партиципаната у руском језику. // Славистика. 2021. 25/2. С. 82–92. [Balek T. On lexical caritives represented by verbs and grammaticalisation of participants in the Russian language. *Slavic Studies*. 2021. 25/2. Pp. 82–92.]
- Балек 2021b — Балек Т. Релативне каритивне конструкције са везничко-предлошким спојем или без у српском језику (уз осврт на ситуацију у руском језику). // *Orbis Linguarum* / Езиков свят. 2021. 19/3. С. 30–41. [Balek T. Relative caritive constructions with conjunction-preposition complex ili bez in Serbian (with an overview of the situation in Russian). // *Orbis Linguarum* / *Ezikov svyat*. 2021. 19/3. Pp. 30–41.]
- Балек 2023 — Балек Т. Моноаспективи у руском и српском језику. Нови Сад: Филозофски факултет, 2023. [Balek T. *Monoaspektivi u ruskom i srpskom jeziku*. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2023.]
- Боханова 2013 — Боханова А.С. Вербализација категорији лишительности: критерији ограничења // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2013. 1–2. С. 169–173. [Bokhanova A.S. Verbalizatsiya kategoriji lishitel'nosti: kriterii ogranicheniya // *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*. 2013. 1–2. Pp. 169–173.]
- Боханова 2014a — Боханова А.С. Категория лишительности в исторической перспективе. // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. № 9 (40). <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-lishitel'nosti-v-istoricheskoy-perspektive/viewer> [дата обращения 7.7.2024] [Bokhanova A. S. Kategoriya lishitel'nosti v istoricheskoi perspektive. // *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*. 2014. № 9 (40). <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-lishitel'nosti-v-istoricheskoy-perspektive/viewer> retrieved 7.7.2024]
- Боханова 2014b — Боханова А.С. Категория лишительности (на материале русскоязычных газетных текстов). Дис. ... канд. филол. наук. Алматы: Казахский национальный педагогический университет им. Абая, 2014. [Bokhanova A.S. Kategoriya lishitel'nosti (na materiale russkoyazychnykh gazetnykh tekstov). Dis. ... kand. filol. nauk. Almaty: Kazhskii natsional'nyi pedagogicheskii universitet im. Abaya, 2014.]
- Горбова 2019 — Горбова Е.В. Двухкомпонентная модель русского вида: положения, предсказания, подтверждения. // Славистика. 2019. 23/1. С. 45–61. [Gorbova E.V. Dvukhkomponentnaya model' russkogo vida: polozheniya, predskazaniya, podtverzheniya. // *Slavistika*. 2019. 23/1. Pp. 45–61.]
- Жеребило 2010 — Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Издательство ООО «Пилигрим», 2010. [Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Nazran': Izdatel'stvo ООО «Piligrim», 2010.]
- Иванов 1993 — Иванов Вяч.Вс. Категория лишительности в языках евразийского языкового союза. // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. / Молошная, Т. Н. (отв. ред.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 80–81. [Ivanov Vyach. Vs. Kategoriya lishitel'nosti v yazykakh evraziiskogo yazykovogo soyuza. // *Tipologicheskie i sopostavitel'nye metody v slavyanskom yazykoznanii*. / Moloshnaya, T. N. (otv. red.). Moscow.: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1993. Pp. 80–81.]
- Иванов 1995 — Иванов Вяч.Вс. Типология лишительности (каритивности) // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. / Иванов Вяч.Вс., Молошная Т.Н. (отв. ред.). М.: Издательство «Индрик», 1995. С. 5–59. [Ivanov Vyach.Vs. Tipologiya lishitel'nosti (karitivnosti) // *Etyudy po tipologii grammaticheskikh kategorij v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh*. / Ivanov Vyach.Vs., Moloshnaya T.N. (otv. red.). Moscow.: Izdatel'stvo «Indrik», 1995. Pp. 5–59.]

- Коваль 2009 — Коваль А.И. Семантическая категория каритивности в лексиконе и тексте пular-фульфульде. // Африканский сборник. / Выдрин В. Ф. (ред.). Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2009. С. 194–203. https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-148-7/978-5-88431-148-7_17.pdf [дата обращения 1.12.2024] [Koval' A.I. Semanticheskaya kategoriya karitivnosti v leksikone i tekste pular-ful'ful'de. // *Afrikanskii sbornik*. / Vydrin V. F. (red.). Saint-Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 2009. Pp. 194–203.]
- Кронгауз 1998 — Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. Москва: Языки русской культуры, 1998. [Krongauz M. A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1998.]
- МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. / Евгеньева А.П. (отв. ред.). Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> [дата обращения 1.10.2024] [*Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* / Evgen'eva A.P. (otv. red.). Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999. <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> retrieved 1.10.2024]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/> [дата обращения: 27.12.2024] [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. <https://ruscorpora.ru/> retrieved: 27.12.2024]
- Оскольская и др. 2020 — Оскольская С.А., Заика Н.М., Клименко С.Б., Федотов М.Л. Определение каритива как сравнительного понятия. // Вопросы языкознания. 2020. 3. С. 7–25. [Oskolskaya S.A., Zaika N.M., Klimenko S.B., Fedotov M.L. Defining caritive as a comparative concept. // *Voprosy Jazykoznanija*. 2020. 3. Pp. 7–25.]
- Петрухина 2009 — Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). Москва: МАКС Пресс, 2009. [Petrukhina E.V. *Russkii glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy)*. Moscow: MAKS Press, 2009.]
- РМС, т. 1 — Речник српскохрватскога књижевног језика. / Стевановић М. (гл. уред.). Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска, 1967. [*Rechnik srpskokhrvatskoga knjizhevnoг jezika*. / Stevanovich M. (gl. ured.). Novi Sad – Zagreb: Matitsa srpska – Matitsa khrvatska, 1967.]
- РМС, т. 3 — Речник српскохрватскога књижевног језика. / Стевановић М. (гл. уред.). Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска, 1969. [*Rechnik srpskokhrvatskoga knjizhevnoг jezika*. / Stevanovich M. (gl. ured.). Novi Sad – Zagreb: Matitsa srpska – Matitsa khrvatska, 1969.]
- Толстая 2008 — Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. Москва: Издательство «Индрик», 2008. [Tolstaya S.M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchslavyanskoj perspektive*. Moscow: Izdel'stvo «Indrik», 2008.]
- ТСРГ 1999 — Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. / Бабенко Л.Г. (гл. ред.). Москва: АСТ-ПРЕСС, 1999. [*Tolkovyi slovar' russkikh glagolov: ideograficheskoe opisaniye. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy*. / Babenko L.G. (gl. red.). Moscow: AST-PRESS, 1999.]
- Шведова 1980 — Шведова Н.Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. Москва: Наука, 1980. [Shvedova N.Yu. (gl. red.). *Russkaya grammatika*. T. 1. Moscow: Nauka, 1980.]
- Янко 2022 — Янко Т.Е. Синтаксические параметры идиом: *вступить в силу VS вступить в лужу* // Язык. Человек. Культура. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. / Орлова О.С. (отв. ред.). Москва: Институт языкознания РАН, 2022. С. 233–237. [Yanko T.E. Sintaksicheskie parametry idiom: *vstupit' v silu VS vstu-*

- pit' v luzhu* // *Yazyk. Chelovek. Kul'tura*. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi yubileyu Marii L'vovny Kovshovoi. / Orlova O.S. (otv. red.). Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN, 2022. Pp. 233–237.]
- Matushansky 2020 — Matushansky O. Missing types. // *Caritive constructions in the languages of the world*. Presentations and handouts. November 30 – December 2, 2020. https://www.caritive.org/files/ugd/c659f4_85a4f45af8244b4b8cc7caa73f9d3076.pdf [retrieved 27.12.2024]
- Oskolskaya 2020 — Oskolskaya S. Typological study of caritives: an overview and methodology of research. // *Caritive constructions in the languages of the world*. Presentations and handouts. November 30 – December 2, 2020. https://www.caritive.org/files/ugd/c659f4_d6ae2b49963543688fc8b3feee529067.pdf [retrieved 27.12.2024]
- Oskolskaya 2023 — Oskolskaya S. Towards the absence: on the notion of dedicatedness of markers (on the example of caritive construction. // *Songs and Trees: Papers in Memory of Sasha Vydrina*. / Sumbatova N., I. Kapitonov, M. Khachaturyan, S. Oskolskaya, S. Verhees (eds.). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2023. <https://doi.org/10.30842/9785604799925202320> [retrieved 27.12.2024]
- Panova 2021 — Panova A. Adverbial caritive markers. // *Typological Atlas of the Languages of Daghestan (TALD)*. / Daniel M., K. Filatov, T. Maisak, G. Moroz, T. Mukhin, C. Naccarato, S. Verhees. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE, 2021. DOI: 10.5281/zenodo.6807070. <http://lingconlab.ru/dagatlas> [retrieved 27.12.2024]
- SRWAC — srWaC (Serbian Web Corpus) https://www.clarin.si/noske/all.cgi/first_form?corpname=srwac;align= [retrieved: 20.12.2024]
- Stassen 2000 — Stassen L. AND-languages and WITH-languages. // *Linguistic Typology*. 2000. 4(1). Pp. 1–54.
- Stolz et al. 2007 — Stolz T., Stroh C., Urdze A. WITH(OUT): On the markedness relation between comitatives/instrumentals and abessives. // *Word*. 2007. Vol. 58. Issue 2. Pp. 63–122.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was received on 09.12.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Тяна Балек

Ph.D.; Университет города Нови-Сад, Нови-Сад, Республика Сербия

Tijana Balek

Ph.D.; University of Novi Sad, Novi Sad, Republic of Serbia

tijana.balek@ff.uns.ac.rs